



ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЧЕШСКИХ СЛАВИСТОВ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

© 2019 г. М. Зеленка

Д-р наук, профессор, зав. кафедрой Южночешского университета

(г. Ческе-Будеёвице)

E-mail: zelenka@pf.jcu.cz

Динамическое развитие в период между двумя войнами чешской или чехословацкой славистики, пришедшей на смену ведущей роли Вены, стало возможным благодаря сильному поколению чешских историков культуры и филологов, занимавшихся вопросами единства славянского языка, словесности и культуры. Одновременно проявлялись структуралистические импульсы Пражского лингвистического кружка (Ф. Вольман, Р. Якобсон и др.). Чешская концепция Центральной Европы исходила не только из минималистского определения, которое отождествляло это пространство с габсбургской монархией, но также из уверенности в том, что небольшой народ является посредником в пространстве между Германией и Россией. Кроме того чешская концепция полагала, что в данном противополжении чехи ценностно принадлежат к западной цивилизации.

The significant development of Czech, or Czechoslovak, Slavonic studies, which in the interwar period superseded Vienna as the leading authority, was fostered by a strong generation of Czech cultural historians and philologists who subjected to examination the unity of Slavonic language, literature and culture. Parallel to it were the structuralist impulses of the Prague Linguistic Circle (F. Wollman; R. Jakobson etc.). The Czech concept of Central Europe was grounded in the minimalist delimitation reducing this area to the Hapsburg Empire, while believing in the intermediary mission of a small nation located between Germany and Russia. At the same time, no one doubted that in this antinomy of values the Czechs adhered to the Western civilization.

Ключевые слова: Центральная Европа, чешская славистика, межвоенная Чехословакия, чешская компаративистика, история науки, регионоведение.

Keywords: Central Europe, Czech Slavonic Studies, Interwar Czechoslovakia, Czech Comparatives, History of Science, Area Studies.

DOI: 10.31857/S0869544X0004728-3

Очевидно, что сложность терминологии и семантики, связанных с изучением Центральной Европы, потребовала большого количества литературы, множества статей и текстов, в которых с трудом можно ориентироваться или искать междисциплинарные связи. Центральная Европа реально изменялась во времени и пространстве, не только горизонтально и вертикально, но и в своей

структурной сущности. В любом случае свой подход будут определять и отстаивать политики, экономисты, географы, историки или искусствоведы, с трудом договорятся филологи с музыковедами или архитекторами по вопросу общепринятых черт идеологем центральноевропейства, где начинаются и кончаются их границы и можно ли вообще данную проблему представить в научном дискурсе. Центральная Европа как культурное и географическое пространство или перекресток между Западом и Востоком всегда отличалась изменчивой позицией нестабильных центров и периферий, своеобразным переплетением этносов, культур и религий. Территориальный принцип взаимного «соприкосновения» привел к более интенсивному способу общения и к обмену литературными ценностями, не только к более глубокому пониманию, но и к их столкновениям, конфликтам художественных традиций и поэтик, норм и конвенций. Метонимическая мотивация этой коммуникации, вытекающая скорее из «соседского» общения, чем из генетического родства языков, может развивать не только процесс интеркультурности [1], исходящий из открытого горизонта рецепционных ожиданий [2], но и стремление постулировать и кодифицировать мифы о литературном единстве разнообразных систем, наиболее часто в связи с идеей греко-латинского происхождения цивилизации Западной Европы. Гегемонистский и универсалистский характер этой парадигмы, опирающейся на представление о «крупных», «развитых», «оказывающих влияние» национальных литературах, укрепляли историографические модели последних двух столетий, которые своей «этноцентрической идеологией» внули миф западноевропейского литературного единства и их общей основы, не учитывая различие ценностей у так называемых периферийных литератур и их различные корни [3]. Также и в политическом дискурсе часто забывается о том, что современная Европа, в частности, ее центральноевропейская часть, представляет собой «чрезвычайно сложное общество исторических нагромождений, рациональных и иррациональных комплексов и предрассудков, разнообразного обременяющего исторического опыта, и в то же время абсолютно законных и значительно отличающихся друг от друга интересов отдельных лиц и всех народов, живущих в Европе, и государств, Европу образующих» [4. S. 45].

Терминологический хаос в обозначении и определении Центральной Европы можно найти и в научной литературе отдельных центральноевропейских стран, причем не только в западной, в частности англосаксонской историографии, которая центральноевропейское пространство обычно связывала с Восточной Европой. В чешском контексте дискуссии о центральноевропействе развивались на фоне габсбургского мифа, вытекали из размышлений о смысле чешской истории, о политической и культурной ориентации небольшого народа, находящегося в самой середине между двумя великими державами (например, Ф. Палацкий), причем подчеркивалось, что чешский мифический «центр» своей культурой одновременно намного больше связан с западноевропейским культурным регионом, чем с восточной, русско-византийской сферой. Именно с Палацким не согласился словацкий деятель чешского национального возрождения Л. Штур, который в написанном на немецком языке произведении «Das Slawenthum und die Welt der Zukunft» («Славянство и мир будущего»), созданном приблизительно около 1851 г. [5], пришел к радикальному мнению: центральноевропейские славянские народы, если хотят сохранить свободу, то должны теснее примыкать к славянскому Востоку и создать монархический союз с царской Россией и православной церковью. Попытка Штура определить с историко-философской точки зрения место словаков и славян в истории стала политическим манифестом и символическим обращением

к будущему и положила начало традиции, которая, в определенной степени, способствовала возникновению современной идентичности словаков, но одновременно отрицала восприятие Центральной Европы как перекрестка различных идейных влияний и течений и несколько односторонне отклонила ценностную ориентацию словаков от «материального» Запада к «духовно-историческому» Востоку.

В Польше вследствие другого культурного и исторического развития наименование Центральной Европы сливалось с другими терминами, как например, Центральновосточная, или же Восточная Европа (О. Галецкий [6], П. Вандич [7] и др.), Авроазия, Междуморье (регион между Балтийским и Адриатическим морями), что вытекало из прямого географического соседства с Россией или же с Украиной, и из существования Речи Посполитой. Например, О. Галецкий, определяющий Центральную Европу как «территорию» между Западом и Востоком, отказывается отождествлять ее с Западом, следовательно, с преимущественно христианской традицией. Центральную Европу он разделяет на «Центральнозападную» (до 1945 г. бывшие области Священной Римской империи немецкого народа и часть габсбургской монархии) и «Центральновосточную» (Польша, Венгрия, прибалтийские страны, Финляндия, часть Украины и Белоруссия), причем границы между ними определяются территорией, находящейся под немецким влиянием. Центральновосточная Европа по польской традиции, таким образом, обозначает геополитическое пространство между Германией и Россией, культура которого является составной частью Западной Европы и противоположна ценностям евроазиатской России, т.е. это территория Центральной Европы, с ориентацией на Восток [6]. В Венгрии, или же в исторической Нижней Венгрии, идея Центральной Европы сохраняла постоянную популярность и часто выражалась в художественной и специальной литературе: изолированное положение финно-угорского языка посередине славянско-германского этноса привело к интенсификации изучению культурной исключительности и, тем самым, к пониманию «посреднической миссии» в центральноевропейском пространстве. Здесь главенствовала, в частности, идея Великой Венгрии (включавшей и Словакию), которая должна была служить примером сосуществования различных национальностей в рамках венгерского государства с тогдашней границей (до 1918 г.).

В обычном публицистическом и политологическом дискурсе с определенным упрощением в качестве моделей можно различать две концепции Центральной Европы: минималистскую и максималистскую [8. S. 10–11]. Минималистская концепция считает это пространство последним «форпостом» Запада с учетом совместных исторических структур и культурных ценностей; центральноевропейство тут становится лучшим подходом к цивилизации, который через призму Западной Европы смотрит на «отсталые» Балканы и Россию, т.е. на южные и восточные части Европы [9]. Минималистская концепция работает с бинарными оппозициями, как о них говорит французский философ Жак Деррида, создатель концепции деконструктивизма (мы vs они, наше vs чужое, цивилизация vs варвары), с мифом центра и периферии, границ и конца Европы, способствующим дихотомическому (дуалистическому) восприятию Центральной Европы. Так ее понимает и Милан Кундера, определивший в середине 1980-х годов данное пространство как специфический регион небольших народов между Германией и Россией, с точки зрения культуры относящихся к Западу, политически (с 1945 г.), однако, причисляемых к Востоку. Максималистская концепция понимает Центральную Европу, главным образом, аксиологически. Географические конструкторы здесь представляют собой

побочный продукт и само существование центра Европы, таким образом, ставится под сомнение, как и иногда целенаправленное расчленение Европы на отдельные части. Значит, Европа и ее центральная часть, представляются как набор исторически возникших идей, связанных в большинстве случаев с традицией латинского христианства и определяющих отношение Старого континента как одного целого к соседним континентам, в частности к Азии, из которой европейская цивилизация, хотя мы часто забываем об этом, и возникла.

В чешских дискуссиях о Центральной Европе иногда забывают о вкладе славистов в понимание этого термина в период между двумя войнами. Они тогда задавали вопрос об обоснованности эволюционной противоположности восточных славянских литератур и литератур германских как противоположности литератур маленьких, посылающих литературам большим, развитым эволюционные импульсы.

Чешский славист Франк Вольман во многих произведениях («Словесность славян», 1928; «К методологии сравнительной словесности славянской», 1936; «Дух и целостность славянской словесности», 1948 и др.) пришел к заключению, что в культурной жизни славян переплетались все элементы, которые геополитически находились недалеко друг от друга, что славяне образовали сложное, внутренне противоречивое, но одновременно всегда открытое сообщество. Оно пропитывалось и элементами, приходящими из европейского Востока и Азии (богомилство), и позднесредиземноморскими импульсами, в том числе и ренессансом, и агрессивностью форм эпохи барокко [10. S. 95–96]. Чешский компаративист К. Крейчи дополнил и поддержал тезис Вольмана о раздвоении славянской культуры между латинским Западом и византийским Востоком в том смысле, что это два варианта культуры средиземноморской (медиетеранной), исходящие из общей литературной традиции, сохраняемой и после политического распада. Кроме того, по мнению Крейчи, в литературе народной этого раздвоения не произошло – преемственность народной культуры Крейчи считал обязательной чертой отношения народных литератур к литературе мировой [11. S. 241–255]. В эту сокровищницу внесли свой вклад и славянские литературы церковнославянской образованностью, общими духовными принципами, языковой общностью, осознанием славянского родства и вытекающими из него литературными фактами. Крейчи и Вольман, таким образом, способствовали критике ложных мифов о центральноевропейском литературном пространстве как расслоенной литературной карте, где противоположность ценностей мира славянского и неславянского представляет собой вечную дуэль мира варварского с миром образованным, оплодотворяющим. Именно представление Вольмана о «густой сети межславянских отношений в области словесности» давало право понимать славянские литературы как самостоятельные, но являющиеся составной частью литературы вообще.

И Роман Якобсон, член Пражского лингвистического кружка, представил в период между двумя войнами интересное решение литературных взаимоотношений Запада и Востока в связи с языковой и геополитической ситуацией чешских земель. Центральным аргументом идеи Якобсона об исторической роли славян и о русском элементе в славянском мире является так называемая теория моста, т.е. представление о чешских землях как географическом и идейном перекрестке различных художественных влияний Запада и Востока. Идея культурного синтеза отвечала программе Пражского лингвистического кружка, который плодотворное преобразование чужого импульса и его модификацию воспринимающей средой оценивал не как проявление эпигонской

зависимости, а как функциональное заполнение эволюционных пробелов [12. S. 6–9]. Именно в центральноевропейском научном контексте, центром которого после 1918 г. стала межвоенная Чехословакия, переплетался весь комплекс импульсов и связей, которые здесь зарождались и нашли благодатную почву, как, например, чешский структурализм и другие исследовательские школы [13]. Якобсон, который олицетворяет как творчеством, так и судьбой идеальное соединение восточного русского формализма с чешским формализмом, т.е. представляет домашнюю традицию эстетического гербартизма, сформулировал теорию моста как изменчивое и противоположное единство дивергентной и конвергентной эволюции: положение чешских земель он геополитически определил как равновесную и гибкую позицию «между двумя противоположающимися гравитационными столкновениями» [12. S. 233], причем историческая возможность выбора притяжения и отклонения от этих центров позволяет осуществить своеобразный культурный синтез, создавая тем самым «императивные предпосылки для известного лозунга: ни Запад, ни Восток» [12. S. 233]. Славянские государственно-этнические единицы (здесь интересно нетипичное для Якобсона исключение чисто лингвистических критериев из культурно-исторической коммуникации, так как рецепционная значимость культурного импульса определена географическим родством и родством идей и только потом родством языковым) Якобсон разделил, осознавая определенную схематичность, на односторонние (Польша, Болгария, южнославянские государственные образования) и двусторонние (чешские земли и Россия); принципиальную разницу между ними он видел в способности создания экспортных ценностей – в чешских землях он к этим импульсам относил кирилло-мефодиевскую образованность, готическую культуру, идеологические элементы гуситства и общества Чешских братьев и живую традицию национального возрождения. Тут было очевидно лингвистическое применение точки зрения функций языка к истории науки: несущественность факта генетического происхождения, но подчеркивание его структурного преобразования, т.е. функции, вытекающей из иерархии принимающей системы.

По отношению к полемике по вопросу так называемого культурного и церковного раскола между западным Римом и восточной Византией (немецкая образованность здесь выступала исключительно как прямой наследник античной средиземноморской цивилизации) ровесник и коллега Якобсона Франк Вольман занял негативную позицию: он отказался от распространения историографической полемики о политическом единстве славян на систему славянских литератур. Вольман полагал, что противоположность западноевропейской и восточноевропейской культур, действительно, объективно существует, однако она возникла не в лоне Средиземноморья. Средиземноморская культура была модифицирована – хотя с другой динамикой – западными и восточными народами. Их культуры, в том числе и словесное творчество, можно считать аксиологически равноценными разновидностями культуры медитеранной, которая и после церковного раскола сохраняет преемственность «в частности, в области высшей литературной образованности» [10. S. 22]. Раскол славянской культуры на латинский Запад и византийский Восток невозможно абсолютизировать; обе разновидности исходят из общей литературной традиции, сохраняемой и после политического распада Римской империи в 476 г. Кроме того, по мнению Вольмана, в устной словесности никакого раздвоения не произошло. Чешские компаративисты определенно отстаивали мнение, что противоположность христианства и гражданства, как она обнаруживалась в отношении

к христианскому миру, не представляет собой противоположность мира славянского и неславянского, мира варварского и цивилизованного.

По Вольману, сознательно объявить себя сторонником традиций европейства — значило не идентифицироваться с романо-германским западноевропейством, а отождествиться с органическим развитием смешанной медитеранной культуры. В культурно-исторической и литературной эволюции славян диалектически действуют славянские объединяющие и разделяющие доминанты, которые с точки зрения структуры и формы проявляют себя как разные типы «славизмов» (церковнославянский, социальное и нравственно реформаторский, барочный, польский мессианизм, чешский австрославизм, илиризм, русское славянофильство, неославизм, революционно-социалистический славизм), отличающиеся, кроме прочего, аналогичным способом восприятия чужих художественных влияний и идейных философских стимулов. Эти типы славизмов выступают не только бинарно в качестве актуализированного соединения между двумя славянскими литературами, но и в качестве системы межславянской словесности (межславянского) характера, и участвуют, тем самым, в создании системы межславянской словесности как органической составной части генеральной (мировой) литературы. Если коллега Вольмана, член Пражского лингвистического кружка, Д. Чижевский в труде «Vergleichende Geschichte der slavischen Literaturen» (1968; в английском переводе «Comparative History of Slavic Literatures», 1971) говорит о стилистическом и поэтологическом единстве славянских литератур, которые он считает органической составной частью более объемного единства западноевропейских литератур [14. S. 12–42], то Ф. Вольман несколько категорично утверждает, что в рамках межславянской литературной коммуникации теряются различия между Западом и Востоком. Поэтому он приходит к заключению, что центральноевропейского литературного сообщества не существует, как не существует и представления о культурно и литературно изолированной Восточной Европе: «Эти гипотетические единства с точки зрения культурно-исторического, социально-политического, антропогеографического не являются настолько определившимися, чтобы существенно вмешиваться в жизнь литературных структур и представлять собой самостоятельные группы» [10. S. 46].

В заключение можно сказать, что чешская рефлексия Центральной Европы, или же Европы как таковой, представляла и представляет собой непрерывную дискуссию о смысле чешской истории, т.е. о европейских корнях чешской культуры и месте чешского народа в Европе. Нет крупного чешского историка или философа, который не высказал бы свое мнение о данной проблематике. На основе множества изречений, наблюдений и серьезных теорий, к которым можно отнести, например, споры о подлинности Краловедворской и Зеленогорской рукописей, выступление Х.Г. Шауэра, Т.Г. Масарика, историческое наследие позитивистской школы Голла и др. и последующий дискурс XX в., как это убедительно подтвердил чешский историк Милош Гавелка в работе «Спор о смысле чешской истории 1895–1938» [15], можно сделать несколько выводов.

Позицию чешских земель как интегральной составной части центрально-европейского пространства никогда не ставили под сомнение, наоборот, в антиномии Запад и Восток чехи всегда чувствовали, что они культурно и политически связаны с Западной Европой. Наиболее точно эту мысль выразил Й. Пекарж: «Не только общение и стычки, как судит Палацкий, но постоянное заимствование, подчинение, насыщение образом жизни и идеями более прогрессивных соседей мира германского и романского являются самым мощным

и самым значительным фактом и фактором нашей истории» [16. S. 388–389]. Чешские земли в миниатюре отражают культурную специфику Центральной Европы, которая географически и идейно несовместима с Восточной Европой, в частности с Россией. Другой чешский историк Я. Кржен в программной работе «Два столетия Центральной Европы» [17], отмечает, что понятие «Центральная Европа» (*Europa intermédiaire*) родилось в 1815 г. на Венском конгрессе и фактически обозначало часть современной Западной Европы и, главным образом, включало в себя раздробленные немецкие княжества и сегодняшний Бенилюкс. Это было не точное географическое понятие, а скорее конкретизация большого региона с определенными видами промышленности и культурно-цивилизационным упорядочением, где действовали похожие модели крестьянства и торговли, проживал большой процент еврейского населения, находилась густая сеть университетов как носителей образования и т.п. Кржен, с иронией называющий Центральную Европу «регионом напрасной федерализации» [17. S. 23], включает в это понятие (ссылаясь на изменчивое наследие габсбургской монархии) «шесть прямых или исторических соседей – поляков, венгров, словаков, чехов, немцев и австрийцев» [17. S. 23].

Чешская концепция Центральной Европы, таким образом, сближается с ее минималистским определением, которое считает это пространство последним «форпостом» Запада с учетом совместных исторических структур и культурных ценностей; центральноевропейство тут становится лучшим подходом к цивилизации, который через призму Западной Европы смотрит на «отсталые» Балканы и Россию, т.е. на южные и восточные части Европы. Центральноевропейское сознание здесь исторически сформировалось в территорию габсбургской монархии, некоторой Центральной Европы в миниатюре, которая экономически и административно представляла собой единую территорию с высокой степенью урбанизации и, прежде всего, настоящий перекресток народов с разнообразной сверхнациональной солидарностью (но и ненавистью), где формировался человеческий тип «*homo habsburgiensis*», чья «повышенная чувствительность и менталитет были другими, чем у больших народов Запада и Востока, французов, немцев, англичан и русских» [18. S. 250].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Miner E.* Comparative Poetics. An Intercultural Essays on Theories of Literature. Princeton, 1990.
2. *Jauss H. R.* Ästhetische Erfahrung und literarische Hermeneutik. Fink, München, 1977.
3. *Sinopoli F.* Il mito della letteratura europea. Roma, 1999.
4. *Klaus V.* Těžké časy liberálů // Euro. 2010. № 27–28.
5. *Štúr L.* Slovanstvo a svet budúcnosti. Bratislava, 1993.
6. *Halecki O.* Borderlands of Western Civilization. A History of East-Central Europe. New York, 1952.
7. *Wandycz P. S.* Střední Evropa v dějinách od středověku do současnosti. Praha, 1998.
8. *Kontler L.* Dějiny Maďarska. Praha, 2001.
9. *Dorovský I.* Balkán a Mediterán. Brno, 1997.
10. *Wollman F.* K metodologii srovnávací slovesnosti slovanské. Brno, 1936.
11. *Krejčí K.* Z nové literatury o metodice literární vědy // Slavia. 15. 1937–1938. № 2.
12. *Jakobson R.* Význam ruské filologie pro bohemistiku // Slovo a slovesnost. R. 4. 1938. № 3
13. *Pospíšil I., Zelenka M.* René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky. Brno, 1996.
14. *Tchizevskij D.* Vergleichende Geschichte der slavischen Literatur I. Berlin, 1968.
15. *Havelka M.* Spor o smysl českých dějin 1895–1938. Praha, 1995.
16. *Pekař J.* Smysl českých dějin. Praha, 1929.
17. *Křen J.* Dvě století střední Evropy. Praha, 2005.
18. *Fejtö F.* Rekviem za mrtvou říši. O zkáze Rakouska-Uherska. Praha, 1998.